ков правильно обратил внимание на социально-экономический аспект. Действительно, отдельные типы скотоводства могут сильно отличаться друг от друга, и в зависимости от этого наблюдаются принципиальные различия в социальных структурах кочевых обществ. Таковы, например, отличия в социальной организации готтентотов и масаев (начала XX в.), с одной стороны, и кочевников-бедуинов Сахары и Аравии — с другой.

Главная особенность традиционного скотоводства заключается в экстенсивном использовании природных ресурсов, что в условиях замкнутого потребительского хозяйства и кочевого образа жизни способствовало долгие столетия сохранению в таких обществах архаических форм социальной организации. Некоторые зарубежные ученые (Д. Джонсон, Д. Григг и др.) считают, что круглогодичное скотоводство на пастбищах — умирающая система хозяйствования. Однако опыт социалистических стран — СССР и Монголии — показал возможность выравнивания уровней социально-экономического развития отсталых в недавнем прошлом скотоводческих обществ, возможность трансформации традиционного кочевого скотоводства и замены его более совершенными пастбищными и отгонными формами хозяйствования, что сопровождается коренными преобразованиями образа жизни, культуры и быта людей [15].

---

[15] См.: Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX веков. Материалы к историко-этнографическому атласу, с. 7—12; *Грайворонский В. В.* От кочевого образа жизни к оседлости (на опыте МНР). М.: Наука, 1979.

Г. Е. Марков

ПРОБЛЕМЫ ДЕФИНИЦИЙ И ТЕРМИНОЛОГИИ СКОТОВОДЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА И КОЧЕВНИЧЕСТВА (ответ оппонентам)

Все авторы, принявшие участие в обсуждении моей статьи о дефинициях и терминологии скотоводческого хозяйства и кочевничества [1], отметили своевременность, актуальность и важность поставленной проблемы в связи с недостаточной разработанностью систематики и классификации многих явлений этнографии и истории первобытного общества. Было также отмечено, что интерес историков, археологов и этнографов к этим вопросам вызван как расширением межотраслевой интеграции и подготовкой комплексных исследований, так и постановкой в настоящее время широких теоретических проблем. Была подчеркнута и актуальность увязки типологии скотоводческого хозяйства с разработанными советскими исследователями хозяйственно-культурными типами.

Обсуждение прошло безусловно плодотворно, был высказан ряд интересных положений, заслуживающих дальнейшего развития. Вместе с тем дискуссия показала, что проблема пока далека от окончательного решения. Предстоит разработка прежде всего двух ее аспектов: 1) уточ-

---

[1] *Марков Г. Е.* Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология.— Сов. этнография, 1981, № 4. Обсуждение статьи: *Семенов Ю. И.* Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества.— Там же, 1982, № 2; *Шамиладзе В. М.* О некоторых вопросах классификации и терминологии скотоводства Кавказа.— Там же, 1982, № 3. Две статьи публикуются в настоящем номере журнала: *Андрианов Б. В.* Некоторые замечания о дефинициях и терминологии скотоводческого хозяйства; *Симаков Г. Н.* О принципах типологизации скотоводческого хозяйства у народов Средней Азии и Казахстана в конце XIX — начале XX в.

Далее ссылки на эти статьи даются в тексте.

нение классификации скотоводства, особенно его полуоседлых и оседлых отраслей, и 2) уточнение содержания общих понятий и терминов. Как справедливо отметил Ю. И. Семенов, проблема здесь состоит, в частности, в том, что одними и теми же терминами обозначаются совершенно разные явления, а одни и те же явления обозначаются разными терминами. К сожалению, такого рода понятийная и терминологическая нечеткость проявилась и в статьях некоторых авторов, принявших участие в обсуждении моей статьи, о чем подробнее будет сказано ниже. Как представляется, путаница в классификации, понятиях и терминах проистекает главным образом вследствие отсутствия единых критериев в оценке этих явлений и смешения политико-экономических и хозяйственно-производственных признаков. Весьма существенные и справедливые замечания высказывает в этом отношении Ю. И. Семенов, но и его выводы не дают окончательного решения вопроса в силу некоторой их абстрактности и недостаточной увязки с реальной жизнедеятельностью обществ.

Рассмотрим конкретные замечания и предложения участников обсуждения. Начнем со статьи Ю. И. Семенова, поскольку в ней ставятся и рассматриваются широкие политико-экономические проблемы.

Ю. И. Семенов соглашается с предложенной классификацией скотоводства: 1) оседлое скотоводство земледельцев (стойловое скотоводство); 2) «подвижное скотоводство»; 3) кочевое скотоводство (с двумя подтипами: собственно кочевое и полукочевое). Согласен он с тем, что между подтипами «собственно кочевое» и «полукочевое скотоводство» нет принципиальных различий, так как ни один из них не обладает универсальными признаками. Подразделение на эти подтипы имеет сравнительно узкое локальное значение и зависит целиком от местных условий ведения хозяйственной деятельности. Таким образом, теоретически вообще можно отказаться от подразделения кочевничества на два подтипа. Однако по сугубо практическим соображениям это нецелесообразно, тем более что в каждой области, где можно выделить эти два подтипа, существуют определенные различия в некоторых сферах жизнедеятельности чисто кочевого и полукочевого населения. Но, как говорилось, универсального характера эти различия для всех областей распространения кочевничества не имеют.

Соглашаясь, таким образом, с предлагаемой классификацией, Ю. И. Семенов высказывает в то же время два критических замечания. Во-первых, он предлагает все три типа скотоводства рассматривать как вполне самостоятельные и равные по значению. И, во-вторых, он считает, что в обсуждаемой статье в недостаточной степени убедительно выявлено реальное основание этой классификации. С первым замечанием вряд ли можно согласиться, если исходить не из абстрактной, а из реальной практики скотоводства. Дело в том, что стойловое скотоводство и подвижное скотоводство далеко не всегда можно достаточно четко подразделить. Так, например, у одних и тех же групп земледельцев скотоводство может практиковаться как в виде стойлового, так и в виде отгонного. Кстати, в этом заключается одна из наибольших трудностей классификации скотоводческого хозяйства. Что же касается кочевников (и полукочевников), то здесь дело обстоит значительно проще. Они образуют вполне самостоятельные хозяйственные, социальные и политические организмы (если не брать эпохи разложения кочевничества в условиях подчинения их государствам земледельческих народов), они не являются частью оседлоземледельческого населения, занимающейся в плане разделения труда скотоводством, а представляют совершенно иной хозяйственный тип или даже способ производства в его узком смысле (ср. Семенов, с. 49).

Второе замечание Ю. И. Семенова в определенном смысле можно признать справедливым. Однако он сам подчеркивает неразработанность в нашей литературе таких общих понятий, как «виды хозяйственной деятельности», «формы хозяйства», «отрасли хозяйства» и т. п., уделяет им много внимания и приходит к ряду интересных выводов.

Поскольку дефиниция этих понятий далеко выходит за рамки задач обсуждаемой статьи, я на них здесь останавливаться не буду, это тема другого обсуждения. Коснусь только некоторых моментов. В условиях присваивающего хозяйства как правильно отмечает Ю. И. Семенов, наряду с охотой и собирательством важным видом деятельности было также изготовление орудий, одежды, жилищ и т. п. Но далее он утверждает, что в силу совпадения первобытной общины с хозяйственной ячейкой в каждом первобытном социальном организме могла существовать только одна форма хозяйства (Семенов, с. 50). Едва ли это верно, если принять во внимание хотя бы частую сезонность различных видов занятий. Неудачным представляется и его предложение заменить термин «присваивающее хозяйство» термином «пищеприсваивающее». Не вдаваясь в дискуссию о присваивающем хозяйстве — понятии, давно и прочно вошедшем в науку,— можно лишь отметить, что предлагаемый новый и весьма конкретный термин исключает ряд важнейших элементов производственной деятельности, о которых говорил сам Ю. И. Семенов.

Зато вывод Ю. И. Семенова о том, что «стойловое животноводство» (лучше — скотоводство) есть вид хозяйственной деятельности, который существует в составе земледельческой формы хозяйства в качестве более или менее важного дополнения к основному виду деятельности, что «подвижное скотоводство» есть отрасль хозяйства, бытующая в социальном организме наряду с другими отраслями, из которых господствующей является земледелие, и что «кочевое скотоводство», или «кочевничество», есть способ хозяйства, т. е. единственная имеющаяся в конкретном обществе форма хозяйства, представляется совершенно верным и полностью согласуется с концепцией, изложенной в обсуждаемой статье. Однако связанное с этим возражение против тезиса о наличии у кочевников специфических социально-экономических отношений, племенной общественной организации и политической структуры принять нельзя. Помимо изложенного мною в статье политико-экономического обоснования, существуют реальные факты, которые невозможно игнорировать. Наличие для всех кочевых обществ одинаковых форм собственности на основные средства производства, сходных форм эксплуатации, вообще всего комплекса производственных отношений — несомненный факт. Только у кочевников имеется специфическая общественная организация, построенная по общинно-генеалогическому принципу и условно называемая нами племенной. Только кочевники, а не народы, занимавшиеся стойловым или подвижным скотоводством, имели сходные для всех их социальных организмов принципы политической организации власти, наконец, специфические формы политической централизации, так называемые «кочевые империи». Нельзя не заметить также, что интеграция стойлового и подвижного скотоводства в среде оседлых земледельцев ведет обычно к дальнейшему развитию этих отраслей хозяйства. Кочевничество же не может быть интегрировано оседлыми земледельцами и неизбежно в таких условиях разлагается.

Итак, следует говорить о двух уровнях анализа принципиально разного характера. Один — это классификация типов скотоводства, в частности в виде предложенных в обсуждаемой статье трех типов и двух подтипов. Другой уровень — это социально-экономическая характеристика, и здесь социальные отношения, производственные отношения, общественная организация и многие другие явления выступают у кочевников как целостная и специфическая система, хотя и не формационного порядка.

Ю. И. Семенов полностью поддерживает мою точку зрения об ограниченном социально-экономическом потенциале кочевых обществ, застойности их социальных отношений и невозможности возникновения у них феодальных отношений. Однако в то же время он отрицает наличие специфических кочевнических социально-экономических отношений, как, впрочем, и специфических охотничье-собирательских или зем-

ледельческих отношений. Постановка вопроса в таком виде представляется не вполне корректной. Конечно, нет охотничьих или земледельческих социально-экономических отношений. Но при господстве охоты и собирательства есть определенный комплекс разделения труда, производственных отношений и т. п., который мы все называем первобытнообщинным. Что касается земледелия, то нет нужды называть все исторически возникающие на его основе способы производства. Ю. И. Семенов соглашается с тем, что в условиях кочевничества отсутствуют первобытнообщинные и невозможны развитые классовые отношения. Так что же это, как не специфика социально-экономических отношений, складывающихся в условиях разделения труда, производственных отношений, форм собственности на основные средства производства при кочевничестве?

Критическое замечание относительно гипотетической стадии развития общества у кочевников в виде «военной демократии» в принципе вполне основательно, и использование этого понятия вызвано только бедностью нашей терминологии. Совсем иначе обстоит дело с термином «патриархальные отношения», который, как полагает Ю. И. Семенов, нуждается в разъяснении и уточнении. Позволим себе с этим не согласиться. В. И. Ленин прямо и определенно пишет: «...патриархальное хозяйство, это когда крестьянское хозяйство работает только на себя или если находится в состоянии кочевом или полукочевом...» [2].

Ю. И. Семенов возражает против предположения, что в условиях кочевничества возможно бытование капиталистического и феодального социально-экономического укладов. Естественно, что в древности никакого капиталистического уклада у кочевников быть не могло. Однако тогда, когда кочевники оказывались в непосредственной сфере воздействия капиталистических отношений оседлых народов, этот уклад у них возникал. И вовсе не вследствие применения наемного труда (последний бытовал у скотоводов по крайней мере 2,5 тысячи лет), а потому, что скот, как указывал Маркс,— капитал. И в соответствующих условиях это приводило к возникновению капиталистических отношений. Одновременно это вело к быстрому разложению кочевничества и оседанию скотоводов на землю. Что же касается феодального уклада, то Маркс прямо указывал, что этот вид отношений возникал как результат военного образа жизни (речь шла о социальном слое тарханов у монголов) [3].

Нельзя согласиться и с предложением Ю. И. Семенова назвать общество кочевников «предклассовым» (с. 54). Такая формулировка, с одной стороны, как бы затушевывает наличие у кочевников резких имущественных и социальных противоречий, а с другой — предполагает возникновение в дальнейшем классовых. Едва ли верно называть «номадно-общинный» (по Ю. И. Семенову) уклад разновидностью крестьянско-общинного. Последний существует в рамках способов производства и общественно-экономических укладов, свойственных оседлоземледельческим народам, тогда как социально-экономические отношения кочевников, как об этом пишет и Ю. И. Семенов, не могут быть отнесены ни к рабовладельческим, ни к феодальным, ни к капиталистическим.

Весьма интересным и продуктивным можно считать предложение Ю. И. Семенова о выделении двух типов социальных организмов: гео- и демосоциальных. Кочевничество справедливо относится к последнему типу.

В целом же значительная часть предложений Ю. И. Семенова, особенно в области политической экономии скотоводческих обществ и общих проблем разработки классификации и понятий, связанных со скотоводством, весьма полезна и окажет благоприятное воздействие на разработку рассматриваемых проблем.

---

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 158.
[3] См. *Маркс К.* Хронологические выписки.— Архив Маркса и Энгельса, т. V, с. 220.

Интересные вопросы ставятся в статье Б. В. Андрианова. Прежде всего он рассматривает существующие в советской и зарубежной литературе предложения по классификации животноводства и скотоводства. Однако по разным соображениям они едва ли решают проблему. Так, подразделение скотоводства на «пастбищное», «стойлово-пастбищное» и «стойловое» как бы исключает такую форму, как трансгуманс (трансюманс). Кроме того, оно имеет чисто хозяйственно-технологический характер, лишая, к примеру, кочевничество его специфики, что отмечает и сам Б. В. Андрианов. Малоудачно подразделение скотоводов на «кочевников», «полукочевников» и «скотоводов с отгонными формами выпаса скота». В данном случае выпадает стойловое животноводство и неправомерно рассматриваются как самостоятельные типы кочевое и полукочевое скотоводство. Наиболее приемлемым считает Б. В. Андрианов разработанное советскими этнографами подразделение скотоводства на кочевое, полукочевое, полуоседлое и оседлое, т. е. классификацию, которая предлагается в обсуждаемой статье. Соглашается Б. В. Андрианов с тем, что отсутствуют универсальные критерии для разграничения кочевого и полукочевого скотоводства и что различия между ними могут (довольно условно) обнаруживаться только в каждом отдельном, территориально ограниченном регионе. Соглашается он и с тем, что при рассмотрении форм и типов скотоводческого хозяйства необходимо самое серьезное внимание обращать на социально-экономический аспект и что для разных типов скотоводческого хозяйства характерны принципиальные различия в социальных структурах.

Б. В. Андрианов возражает только против предложенного термина «подвижное скотоводство», отмечая, что кочевые скотоводы тоже подвижны. Это наблюдение безусловно справедливо, но ведь подвижных скотоводов (многие типы и подтипы отгонного и полуоседлого скотоводства) нельзя причислить к кочевникам вследствие принципиальных различий с ними в формах собственности, производственных отношениях, племенной и политической организации и др. По удачному выражению Ю. И. Семенова, «подвижное скотоводство» есть отрасль хозяйства, бытующая в социальном организме наряду с другими отраслями, из которых господствующей является земледелие. Далеко не все исследователи кочевничества согласны с таким определением. Так, в частности, участвующий в обсуждении В. М. Шамиладзе настаивает на социальной и политической независимости некоторых групп скотоводов Кавказа от земледельцев (в соответствии с предлагаемыми нами критериями эти группы — не кочевники, а подвижные скотоводы). Однако их независимость временная и далеко не полная. Эти группы скотоводов не образуют самостоятельных социальных (этносоциальных) и политических организмов и обладают относительной самостоятельностью только вследствие своеобразия местных природных условий. Поэтому об их независимости едва ли можно говорить без существенных оговорок.

Не совсем удачной представляется предлагаемая Б. В. Андриановым классификация скотоводческого хозяйства по формам: «подвижно-кочевая», «кочевно-оседлая», «оседло-кочевая», «переменно-оседлая», «годовая оседлость с сезонной миграцией» (с. 79). Она очень усложнена; эти формы, или, скорее, варианты, встречаются далеко не во всех скотоводческих областях и не имеют универсального характера; наконец, берется только один признак — способ выпаса скота, хотя, как отмечалось выше, Б. В. Андрианов разделяет точку зрения о важности привлечения в качестве критерия социально-экономических отношений.

Б. В. Андрианов удачно соотносит типологию скотоводства с историко-этнографической типологией, с хозяйственно-культурными типами. При решении рассматриваемых проблем это направление представляется одним из наиболее плодотворных.

Весьма положительный вклад в обсуждение проблемы скотоводства вносит статья В. М. Шамиладзе. В отличие от других авторов, рассматривавших главным образом общие проблемы, он основное внимание уделил вопросам скотоводства на Кавказе. Это особенно ценно, так как я в своей статье практически почти не касался ни собственно кавказского скотоводства, ни близких к нему форм и типов. Статья В. М. Шамиладзе свидетельствует о том, что если в проблемы кочевого и полукочевого скотоводства уже внесена определенная ясность, то вопросы классификации, уточнения различных форм и типов «подвижного» скотоводства нуждаются в дальнейшей разработке. В. М. Шамиладзе совершенно справедливо призывает к уточнению таксономической иерархии таких понятий, как «тип», «форма», «вид» и т. п. Ссылаясь на Б. Х. Кармышеву, он, в отличие от предложенной мною схемы, рассматривает «тип» как более высокий таксон, чем «форма». Думается, что это малопродуктивный спор. Филологически едва ли можно обосновать преимущество одного из этих терминов. Нельзя здесь привлечь и аналогии с биологическими классификациями, так как там отсутствует понятие «форма». Таким образом, в принципе совершенно неважно, что считать более общим явлением: форму или тип. Важно договориться о содержании этих понятий и их условной иерархии.

На недоразумении основано утверждение В. М. Шамиладзе, что к трем основным видам скотоводства аборигенного населения Грузии и Кавказа (горное, равнинное, перегонное или трансюманс) я добавляю четвертый — кочевой (Шамиладзе, с. 71). В действительности я только привожу уже имеющуюся классификацию и высказываю мнение, что, за исключением караногайцев, на Кавказе не было кочевого населения. В целом, как я пишу в обсуждаемой статье: «Если оставить в стороне термин „кочевничество“, то можно считать, что В. М. Шамиладзе дал весьма убедительную классификацию подвижного грузинского скотоводства, которую можно с известными дополнениями распространить и на другие области бытования подвижного скотоводства» (с. 94).

В. М. Шамиладзе, справедливо отрицая наличие кочевничества среди аборигенного населения Кавказа, утверждает одновременно, что на Кавказе достаточно широко распространены «местные кочевники» — потомки переселившихся сюда в средние века кочевых групп (Шамиладзе, с. 73).

Представляется, что отнесение этого населения, за исключением караногайцев, к числу кочевников основано на недостаточно четком представлении о том, что такое кочевничество и игнорировании социальных факторов (ср. Шамиладзе, с. 72). Как и многие другие авторы, В. М. Шамиладзе исходит в своей классификации из критерия низшего, «технологического» уровня, обращая основное внимание на степень подвижности пастбищного хозяйства. Конечно, такой путь возможен, однако он чреват опасностью смешения терминов и понятий. Дело в том, что пастбищное скотоводство практикуется, причем в относительно сходных формах, у кочевников, полукочевников, полуоседлых и даже оседлых земледельцев. Что же касается подвижности при пастьбе, то это явление настолько локально специфическое, что в основу классификации его класть нельзя. Таким образом, оказывается, что классификации, созданные на основе различий в выпасе скота и других узкохозяйственных признаков, дают только самое поверхностное представление о жизнедеятельности обществ и являются по существу формальными. Руководствуясь же социальными критериями, мы говорим, что кочевники составляют самостоятельные демосоциальные организмы со специфическими производственными отношениями, формами общественной власти, органами управления и т. п., а «подвижные» (или, если угодно, полуоседлые, отгонные и т. п. скотоводы) входят в геосоциальный организм (оба термина заимствованы из статьи Ю. И. Семенова), где определяющую роль играют оседлые области.

Задачи исследования кочевого скотоводства настоятельно требуют четкого определения места и содержания кочевничества (включая по-

лукочевничество), выяснения его соотношения с другими видами скотоводческого хозяйства, характера социальных организмов и социальных структур кочевников и, наконец, выхода из бесконечной путаницы понятий «кочевой», «полукочевой» и «полуоседлый». Одна из основных причин постоянного их смешения заключалась, как прекрасно показал Ю. И. Семенов, в том, что при попытках упорядочивания понятий и выработке классификаций не учитывалось наличие разных уровней систематики: низшего уровня, характеризующего собственно хозяйство, способ его ведения, а конкретно характер выпаса скота, значение подсобного земледелия, наличие долговременных построек и т. п., и высшего — характеризующего соотношение данной группы скотоводов с социальным организмом, ее место в нем. И здесь опять уместно напомнить справедливый вывод Ю. И. Семенова о том, что подвижные скотоводы составляют часть социального организма, в котором господствующим видом хозяйства является земледелие.

В статье Г. Н. Симакова рассматриваются главным образом некоторые практические аспекты скотоводческого хозяйства Средней Азии. Представляется, что критерии, предлагаемые Г. Н. Симаковым при классификации типов и форм скотоводства, особенно в связи с кочевничеством (степень подвижности скотоводов, степень развития земледелия и т. п.), несколько односторонни и позволяют создать лишь формальную классификацию. Пример тому — описываемые им пастбищная, отгонная, яйлажная, выгонная, стойловая формы скотоводческого хозяйства. Предлагаемая Г. Н. Симаковым классификация строится исключительно на технологических признаках и, на мой взгляд, менее удачна, чем классификация В. М. Шамиладзе.

Из сказанного следует, что скотоводство характеризуется комплексом показателей различного таксономического уровня.

Низший уровень, «технологический», составляют признаки чисто хозяйственные: способы ведения пастбищного скотоводства, приемы кочевания, сочетание в хозяйстве различных видов деятельности. Следует подчеркнуть, что только технологические признаки не позволяют найти строгие границы между кочевничеством и различными видами подвижного и оседлого скотоводства, так как способы хозяйственной деятельности часто очень схожи. Но при возможном сходстве в способах ведения хозяйства подвижными и оседлыми скотоводами, с одной стороны, и кочевниками — с другой, между ними как общественными явлениями существуют принципиальные социальные и политические различия.

Первые входят в социальные и политические организмы оседлоземледельческих народов, представляя отрасль в системе разделения труда внутри этих организмов. Кочевые же общества образуют самостоятельные социальные и политические организмы. Поэтому кочевничество характеризуется не просто хозяйственными признаками, а в первую очередь признаками-критериями высшего порядка: кочевническим комплексом социально-экономических отношений, определенной социальной структурой и кочевнической племенной общественной организацией. Следовательно, высший уровень классификации скотоводства основывается прежде всего на социальных критериях.

Различные формы и виды скотоводства входят в два хозяйственно-культурных типа: 1) тип кочевого скотоводства и 2) тип плужного земледелия. Тип кочевого скотоводства включает два подтипа: кочевой и полукочевой. Хозяйственно-культурный тип плужного земледелия объединяет два подтипа скотоводческого хозяйства: подвижное и оседлое. Более детальная классификация этих двух подвидов составляет важную задачу науки.

На низшем уровне систематики классифицируются способы ведения скотоводческого хозяйства в сочетании с другими видами занятий, т. е. анализируется технологический аспект. При этом следует иметь в виду, что способы скотоводства зачастую сходны, особенно у кочевников и подвижных скотоводов.

Чтобы избежать дальнейшей терминологической путаницы, целесообразно выработать для низшего уровня классификации понятия, исключающие термины, используемые при высшем уровне классификации.

Высший уровень классификации основывается прежде всего на социальных критериях.

ОТ РЕДАКЦИИ

В ходе проведенного обсуждения статьи Г. Е. Маркова были затронуты многие важные и интересные для этнографов вопросы, связанные с кочевым скотоводческим хозяйством. Можно даже сказать, что дискуссия коснулась более широкого круга проблем, чем тот, каким ограничил свое выступление Г. Е. Марков.

Вместе с тем следует отметить, что в выступлениях участников обсуждения чуть ли не с самого начала обозначились два направления, тесно между собою связанные, но все же различные. С известной степенью условности их можно обозначить как общетеоретическое и регионально-прикладное. Первое представлено статьями самого Г. Е. Маркова, откликами Ю. И. Семенова и Б. В. Андрианова, второе — работами В. М. Шамиладзе и Г. Н. Симакова. Причем не всегда сторонники обоих направлений смогли найти общий язык.

Г. Е. Марков, начиная дискуссию, имел в виду главным образом уточнение понятийного аппарата и терминологии исследований качевничества. Такое выступление было тем более необходимо, что, как показал затем Ю. И. Семенов, до сего времени в классификации форм скотоводческого хозяйства не выработана даже единая общепринятая система таксонов, а терминология отнюдь не всегда отвечает главному требованию, предъявляемому ко всякой терминологии — строго единообразному пониманию терминов.

И в этом смысле статья Г. Е. Маркова была так же весьма своевременной, как и выступление в целом поддержавшего его Б. В. Андрианова.

Однако отклики В. М. Шамиладзе и Г. Н. Симакова показали, что предлагаемый Г. Е. Марковым вариант типологической классификации при всей бесспорности положенных в его основу принципов не может быть в полном объеме применен не только на Кавказе, но и в таком регионе с развитым скотоводческим хозяйством, как Средняя Азия и Казахстан. Последнее обстоятельство особенно существенно потому, что точка зрения, высказанная Г. Н. Симаковым, отражает опыт подготовки Историко-этнографического атласа Средней Азии. В ответе участникам дискуссии Г. Е. Марков, как и Б. В. Андрианов в своей статье, подчеркивает в основном формальный характер классификации Г. Н. Симакова. Но, по сути дела, только таким и может быть справедливо выделяемый Г. Е. Марковым нижний уровень классификации.

Несмотря на это, редакция считает, что дискуссия была весьма полезной. В ходе ее были высказаны точки зрения, которые могут послужить основой для дальнейшего обсуждения. Подобный взгляд на вещи подтверждается и тем, что при всех расхождениях между ними, авторы не только основывают свой подход на единых методологических принципах, но и исходят, по существу, из единой «точки отсчета» — соотношения земледелия и скотоводства в едином хозяйственном комплексе. Такое соотношение может в принципе изменяться от «чистого» земледелия до полного господства кочевого хозяйства, создавая между этими полюсами большое многообразие конкретных форм и разновидностей скотоводства.

Дальнейшее обсуждение всего круга рассмотренных в дискуссии этнографических проблем, несомненно, позволит выработать окончательную типологическую классификацию скотоводческого хозяйства, учитывающую по возможности как общие характеристики его, так и региональные варианты.